

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

СЕРИАЛ «ДЕТЕКТИВНЫЙ ТРИУМВИРАТ»

Лучшие уходят первыми

Убийца манекенов

Бородавки святого Джона

Шаги по воде

Лев с ножом в сердце

Свой ключ от чужой двери

Вторая невеста

СЕРИАЛ «ДИКИЕ ЛЕБЕДИ»

Магия имени

Голос ангельских труб

Танец на тлеющих углях

Поджигательница звезд

СЕРИАЛ «КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА»

Японский парфюмер

*Инна
Бачинская*

Голос
ангельских труб

ЭКСМО

Москва

2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 32

Оформление серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Бачинская И. Ю.

Б 32 Голос ангельских труб : роман / Инна Бачинская. — М. : Эксмо, 2014. — 352 с. — (Детектив сильных страстей. Романы И. Бачинской).

ISBN 978-5-699-70165-0

Предложение было абсолютно неожиданным. И заманчивым. Настоящая работа! Та, которую Шibaев умел делать и которой ему так не хватало сейчас. Поехать в Америку и найти там потерявшегося человека! Он медлил, опустил взгляд в пол, словно отгораживался от Заказчика, взяв тайм-аут, передышку перед прыжком в омут, с трудом сдерживая нарастающее чувство срочии восторгу. Бросить всё — постылых рогиносцев-клиентов, слежку за их неверными женами — и выйти в глубокие воды... Кроме того, он сможет встретиться с Ингой! Ее имя ударило под дых, и он почувствовал боль. Ее имя окатило его жаркой волной и тонко зазвенело в ушах. Шibaев поднял глаза, наткнулся на жесткий испытующий взгляд Заказчика и кивнул...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-70165-0

© Бачинская И.Ю., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

О цикада, не плачь!
Нет любви без разлуки
Даже для звезд в небесах.

Кобаяси Исса, 1768–1827

Все действующие лица и события романа вымышлены, и любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

Добро пожаловать!

Разухабистая музыка «живого» оркестра: Шибаяев различал скрипку и фортепьяно, резкий, усиленный микрофонами голос бесформенной певицы с гривой иссиня-черных волос, затянутой в черное открытое платье с блестками, гомон нетрезвых голосов, визгливый хохот женщин, звяканье стаканов, ножей и вилок — все было чужим, враждебным и заставляло держаться настороже. Он не привык к ресторанам и сейчас задавал себе вопрос: так ли сильно отличается здешняя ресторанный публика от отечественной. На этот вопрос ответа у него не было. Но одно Шибаяев знал твердо: он никогда не сможет расслабиться, ощущая шкуркой свою чужеродность и неуместность здесь. Ему казалось, что окружающие шестым или седьмым чувством вычислили в нем чужака и теперь под-

черкнуто не смотрят в его сторону, демонстрируя полнейшее равнодушие. Ему даже чудилось, что время от времени он ловит на себе их быстрые, острые испытующие взгляды, что, скорее всего, являлось фантазией чистейшей воды. До него никому не было дела. Народ отрывался от души. Посетители громко здоровались с друзьями и даже ходили друг к другу в гости — размахивая руками, надолго зависали над чужим столиком, громко делясь последними новостями. По залу шлялся тощий, пьяноватый, сильно нарумяненный парень с придурковатым лицом, наряженный в женское платье и соломенную шляпку. Он цеплял посетителей, хлопал их по плечам, плюхался на колени женщинам и отпускал замечания, от которых публика тащилась до коллик. На долю секунды Шибаев поймал его вполне трезвый жестковатый взгляд — тот сразу же отвел глаза.

После сидения в аэропорту, сначала в России, потом во Франкфурте, дожидаясь нью-йоркского рейса, затем восьмичасового перелета через океан, Шибаеву хотелось спать — дома сейчас около пяти утра. Он чувствовал себя не в своей тарелке, от запахов еды его мутило, визгливая певица раздражала, пьяноватый парень с трезвым взглядом вызывал гадливость.

Взгляд его скользил по завсегдатаям, а в том, что это завсегдатаи, Шибаев не сомневался, — все эти люди чувствовали себя здесь как дома. Женщина в золотом вечернем платье за соседним столиком, на которую он обратил внимание — не очень молодая, все еще красивая, с гривой ярко-рыжих волос, небрежно заколотых на макушке массивной янтарной заколкой, достала из сумочки сигареты и зажигалку. «Опять? — укоризненно произнес ее спутник,

унылый и длинный, с выражением непроходящей обиды на породистом лице. — Ты же только что курила!» — «Арик, пошел на фиг!» — ответила хладнокровно дама, не понижая голоса. Встретилась взглядом с Шибаевым, нисколько не смутившись. — Дай мне жить!» — «Кто кому?» — спросил Арик горько.

Шибаев отвел глаза, невольно посочувствовав мужику.

— Ты чего, мэн, расслабься! — кричал Лёня, набивая рот снедью. — Тебе такая жрачка у вас там и не снилась! Ничего, привыкнешь. Тут свободный мир! Давай не стесняйся! Селедочка, семга, грибочки, у Ромика все есть!

Ромик, видимо, владелец ресторана.

Лёня выплеснул «Боржоми» в бочку с искусственным деревом, стоявшую рядом с их столиком, и налил в фужеры водку. Утерся салфеткой, поднял фужер:

— Давай за нас! За успех нашего безнадежного дела!

Он захохотал, закашлялся, захлебываясь, залпом осушил фужер, со стуком поставил его на стол и зачавкал с новыми силами.

Шибаев тоже выпил залпом, сам не зная толком зачем. Лёня ему не нравился шныроватым видом, бегающими глазами, жадностью к еде и питью, за которыми угадывалась всеядность и в отношениях с людьми, и в делах, вернее, делишках. У таких, как Лёня, дел не бывает. Такие, как он, по жизни обтяпывают делишки. Шибаев, мент со стажем, нутром чувствовал в нем классового врага. Навидался он таких шестерок за свою жизнь, продажных и жадных, как уличная девка. Мысль о том, что не стоило соглашаться идти в ресторан, хватило бы и рядовой забегаловки, снова пришла ему в голову. Но, как говорится, в чужой мо-

настырь... Так что терпите, Александр Шибаев тире Волков, за все уже заплачено. А также все схвачено. Лёня – стартовая площадка, связной, гид, а дальше – большой привет! Разойдемся как корабли. И чем раньше, тем лучше. Сами разберемся, что к чему. А пока, чтобы не выходить из формы и не терять времени даром, изучайте местные быт и нравы, господин разведчик. Умение ориентироваться на незнакомой местности может очень пригодиться в недалеком будущем. Одним словом, изучайте матчасть, Шибаев. И не расслабляйтесь вопреки советам нового знакомого.

Хмель сразу же ударил ему в голову. Зал с вопящей и жующей публикой словно отодвинулся, и шум стал приглушеннее. Голова наполнилась гулом и заломило в висках. Лёня виделся неясно, причем отдельными фрагментами – то выныривал чавкающий толстогубый рот, то бессмысленные белые глаза, то кривоватый сломанный нос. Вакуум, как гигантская воронка, стремительно разрастался вокруг Шибаева, затаскивая его глубоко внутрь. Лёня, упираясь руками в стол, вдруг стал подниматься. Вилка упала на пол, глухо звякнув. Лицо у Лёни стало сосредоточенное, как будто он прислушивался к чему-то происходящему внутри организма. «Сейчас рванет», – невнятно подумал Шибаев, видя Лёню как бы в тумане. Тот, с минуту молча постояв у стола, словно вспоминая, зачем встал, не издав ни звука, покачиваясь, пошел из зала. Шибаев проводил его бессмысленным взглядом. Далекo вытянув вперед руку, взглянул на часы. Без трех семь утра. «Значит, здесь у них... минус восемь, – стал соображать. – Получается одиннадцать вечера».

Он сидел, уставившись невидящим взглядом в тарелку, жуя кусочек черного хлеба. Лёни все не было. Кажется, он уснул ненадолго, на пару минут всего. Его разбудил официант, убирающий пустые тарелки. Шибает снова посмотрел на часы — половина восьмого. Лёни нет уже полчаса. «Слушай, парень, тут один... — он затруднился, как назвать Лёню, «другом» — не повернулся язык, — ... со мной был, может, плохо человеку. Ты его не видел?» Официант пожал плечами, проворно сгреб тарелки и понес, почти побежал, из зала. Он исчез в той двери, что и Лёня уже тридцать четыре минуты назад...

Шибает осмотрелся. На сцене возникла новая певица — молодая полураздетая девица со смазливой, сильно накрашенным личиком. Голоса у нее не было, но танцевала она профессионально. На долгий миг они сцепились взглядами, и девушка улыбнулась ему кончиками рта. Шибает почувствовал легкий укол тревоги. Снова скользнул взглядом по залу, стараясь сделать это как можно небрежнее. Никто на него не смотрел, все были заняты едой и друг другом. Женщина в золотом платье сидела, подперев щеку рукой, — видимо, задумалась о смысле жизни. Арик исчез. Шибает снова взглянул на певицу, но та, запрокинув голову, исполняла что-то похожее на танец живота.

Преувеличенно осторожно он встал из-за стола и через зал направился к двери, за которой скрылся Лёня. Там праздник кончился — полутемный узкий коридор был полон сизого чада и вони, откуда-то сильно сквозило. Шибает увидел несколько низких дверей, на двух из них, коричневых, были изображены узнаваемые фигурки из белого пластика — туалеты. Он потянул за ручку дверь мужского —

она распахнулась. Внутри было темно и, кажется, пусто. Нашарив пластмассовую кнопку, Шibaев включил свет. Постоял секунду, раздумывая. Погасил свет, вышел и осторожно прикрыл за собой дверь. Осторожно приотворил следующую, заглянул — маленькое помещение вроде кладовой, ящики с битой посудой, полиэтиленовые мешки с пластиковыми бутылками, на вешалке — замызганная одежда. Он закрыл створку и собирался проверить другие помещения. Остановился, закуривая и пережидая пробегающего официанта. Что-то, возможно запах, заставило его открыть дверь кладовой снова — он вошел внутрь, отодвинул ногой мешки, приподнял тряпки на вешалке и увидел Лёню. Тот сидел, скорчившись, под вешалкой, спиной к стене, заваленный тряпьем. На полу у его ног — пестрая вонючая лужа — Лёню все-таки стошнило. Шibaеву не понадобилось проверять пульс, чтобы определить: Лёня мертв. Уж он-то навидался трупов в своей жизни. Он тронул его за плечо, и Лёня стал заваливаться вперед и набок. На его спине между лопаток, на светло-бежевой из искусственной замши рубашке, расплывалось темное пятно...

Шibaев выпрямился, раздумывая, что же делать. Хмель мгновенно выветрился, голова стала пустой, как воздушный шарик, — даже потоки воздуха ощущались внутри, и спать уже не хотелось. Он прислушался. По коридору сновали официанты, поминутно хлопали двери. Из зала урывками доносились музыка и пьяные голоса. Шibaев дождался паузы и выскользнул из своего укрытия. Нечистой салфеткой, случайно завалявшейся в кармане, провел по ручке двери. Сунул салфетку обратно и пошел по коридору, прикидывая, где кухня. Мельком пожалел о кожаной

куртке, оставшейся на спинке стула в зале. Для достоверности он шарил в карманах в поисках неизвестно чего — то ли зажигалки, то ли сигарет. Посторонился, пропуская официанта, пробежавшего мимо. Пошел за ним, надеясь, что где-то там может оказаться выход.

Дверь из двух качающихся половинок, как в салуне из кино про Дикий Запад, вела на кухню, где жарилась, булькала, шипела и шкворчала на громадных сковородках и в кастрюлях разная снедь, гремела посуда, из кранов били струи воды, вспыхивали, треща, столбы адского пламени, а в воздухе стоял убойный запах готовящейся еды и отборный мат поваров и посудомойщиков.

— Сюда нельзя! — заорал краснорожий распаренный тип в несвежем халате, возникая перед Шибаевым, как черт из табакерки. Тот молча отодвинул краснорожего и, лавируя, быстро двинулся к двери в конце кухни, распахнутой в ночь. — Эй! — кричал краснорожий, побежав следом. — Нельзя, ты че, не понял?

Шибаев, следуя законам ускорения, летел к выходу, опрокидывая на своем пути какие-то грохочущие кастрюли и спотыкаясь о ящики с помидорами и зеленью. Краснорожий упал, зацепившись фартуком за угол оцинкованного стола, и разразился ругательствами. Кто-то еще бросился за Шибаевым. Остальные, полуголые, распаренные и потные, пялились, оставив работу и не предпринимая ни малейших усилий к поимке беглеца.

Шибаев выскочил из преисподней в довольно теплую октябрьскую ночь и быстро пошел прочь, минуя полутемные задворки, огромные черные мешки с мусором, решетки запертых наглухо калиток и ворот. Несмотря на позд-

ний час, было светло и довольно многолюдно. Народ неторопливо гулял. Над улицей, опираясь на толстые лапы-колонны, крышей висела эстакада, по ней ежеминутно грохотали поезда. Шибаев заставил себя замедлить бег, приноравливаясь к прогулочному шагу прохожих. Он оглянулся на яркие огни «Старой Аркадии», куда около двух часов назад привел его Лёня. «Пужинаем, — сказал он. — Обмоем твой приезд. Расскажешь, как там дома». Чемодан с нехитрыми пожитками Шибаев оставил в мотеле в пустынном квартале Кони-Айленда, куда Лёня доставил его из аэропорта. Пока Шибаев умывался в туалете, Лёня ходил по комнате, выглянул из окна, посидел на широкой кровати, накрытой голубым стеганым покрывалом. Потасил его в ресторан, заметив, что ужин оплачен. «Сегодня гуляем, — сказал Лёня, — а завтра поговорим».

Шибаев, не торопясь и сунув руки в карманы пиджака, шагал вдоль грохочущей эстакады. Лёня, заколотый, сидел под вешалкой в подсобке ресторана, а те, кто это сделал, сейчас, вероятно, ищут его, Шибаева, — такова расстановка сил на данный момент. Можно, конечно, взять такси и убраться с Брайтон-Бич, благо деньги есть. Но Шибаев помнил, как работает американская полиция, и в отличие от Лёни не считал копов придурками. Если поднимется шум, вызовут полицию. Если поднимется шум... Если.

Шибаев рассматривал ситуацию, в которой оказался, поворачивая ее так и этак. Наверняка поднимется, решил он наконец, иначе не стали бы мочить Лёню в ресторане, есть много других укромных мест. А сделано это с прицелом в него, Шибаева: вместе пришли, потом оба вышли, потом одного нашли в подсобке заколотым, а другой исчез.

И официанты вспомнят, как он торчал в коридоре, поджидая дружка, и как ворвался на кухню, сбивая с ног обслугу. И пойдет писать губерния! Полицейские опросят водителей такси и обязательно выйдут на того, кто вез подозреваемого и высадил в определенном районе. И что дальше? А ничего. Он растворится в большом городе Нью-Йорке — ищи-свищи. Сделает свое дело и... Если только ему дадут сделать это самое дело. Его ждали — конспирация ни к черту не годится, и теперь не узнать, с чьей подачи он прокололся. Лёнька? Или в окружении заказчика завелся крот? Его, Шибаева, красиво подставили, намереваясь красиво убраться руками полиции.

Он продолжал неторопливо идти в никуда, рассматривая вывески на русском и прислушиваясь к русской речи с обилием американизмов. Необычное для октября влажное густое тепло, наплывающее с океана, шарканье шагов и грохот поездов по эстакаде, странный язык — мир вокруг казался ему ненастоящим, бутафорским.

* * *

О, Брайтон-Бич, многократно воспетый в художественной литературе, а также с эстрады! Даже, если не прибавить ничего больше, то у всякого мало-мальски зрелого и читающего художественную литературу, а также прессу человека, к тому же обремененного житейским опытом, возникнет перед мысленным взором образ этого необычного места. Маленькая Одесса, маленькая Россия, государство в государстве со своими законами, обычаями и нравами, своим сочным языком и колоритной публикой... Именно публикой, потому что шумный, неунывающий,

предприимчивый Брайтон-Бич похож на театр с грязноватыми декорациями и пестрым реквизитом, разношерстными пьесами, актерами и статистами в сверкающих нарядах из театральных костюмерных и программками на местном новоязе.

Брайтон-Бич — это не только театр с вечной пьесой, одной-единственной — «Смотрите, как нам тут хорошо!» Это еще ярмарка, где можно купить все — от валерианки отечественного розлива до медалей последней мировой войны.

И обжорка с обилием копченого, маринованного, жареного, сочащегося жиром и сиропом. Еда, еда, еда — море еды, до полного изнеможения, спирания дыхания и обморока.

И дух — гордость новых американцев, с их «God Bless America»¹ — новая родина, и скрытая, загнанная глубоко внутрь ностальгия по настоящей родине у некоторых, признаваться в которой неприлично, но она иногда сосет и тянет, как зажившая лишь недавно рана, маскируемая высокомерным любопытством — как там, на бывшей родине? — и чувством превосходства: мы тут, в свободной стране, а они там, где и были, неудачники.

И язык — смачный одесско-американский новояз, вариант великого и могучего, особый сленг, особая мелодия, такая же щедрая, сочная и колоритная, как и все здесь.

И марш «Прощание славянки», исполняемый на аккордеоне фальшиво и душевно старым человеком, а другой, его ровесник, тут же рядом, торгует нехитрым товаром —

¹ Боже, храни Америку (*англ.*).

разной мелочовкой вроде тройчатки, бутылочек с зеленой, валокордином, разложенной на коврик прямо на тротуаре. И другие старики с медалями последней мировой во всю грудь в погожий день на бордвоке¹, под навесом от солнца, с бесконечными разговорами за политику, Израиль, терроризм, возможную (упаси Бог!) войну и успехи детей.

И забытый, из детства, запах горячих, с пылу с жару, бабушкиных пирожков с картошкой, капустой, мясом, вишнями, смешанный с влажным густым духом океана, с запахами укропа, дынь и клубники из зеленных лавок.

И матрешки, самовары, книги, песни, кинофильмы — в новом доме, как в старом. И меноры².

Золото, самоцветы, меха, дубленки — много и все сразу.

Пышность праздников — бар-мицв³, свадеб, юбилеев. Невыносимый блеск вечерних туалетов, обнаженные спины, скромное обаяние бриллиантов на каждом пальце обеих рук... «Хава нагила», «Семь-сорок», «Тройка с бубенцами», цыганочка — для понимающих, и современная попса для молодняка.

Все знакомы. Все дружат. Были знакомы еще там. Окликают друг друга по имени, останавливаются, надолго перегораживая тротуар, громко обмениваются новостями. Прогуливают собачек.

¹ Б о р д в о к — дощатая тропа.

² Золотые семисвечники.

³ Б а р - м и ц в а — празднование достижения мальчиком (13 лет), девочкой (12 лет) возраста, когда они несут ответственность перед законом, как взрослые.